

Владимир Имакаев

Парадиз

Книга
третья

Мир за
ГОРИЗОНТОМ

Санкт-Петербург
2011

Владимир Имакаев

Парадиз. Книга третья: Мир за горизонтом. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2011. — 656 с.

ISBN 978-5-8445-0261-3

© В. В. Имакаев, 2011.

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2011.

Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

По ту сторону реальности

Спецвыпуск газеты от 14 января 2000 года

Загадки публичной личности

Сколько всего непознанного остается за гранью нашей суетной бытности!

Мало кто задается вопросами, есть ли что-то большее, нежели то, что мы привыкли называть реальностью, а еще меньше тех, кто отправится на поиски ответов на эти вопросы. Есть люди, которые предпочитают, чтобы их жизнь оставалась неизменной. Они не против фантастики на экранах, мистики на страницах любимой книги, но признать реальность всего этого — значит по-новому взглянуть на свою жизнь, начать что-то менять.

Не так давно мне довелось познакомиться с удивительным человеком, чье имя сейчас на устах почти каждого, кто слышал о том, что происходит в П***ске. Но то, что довелось узнать мне о Виталии Андреевиче Новаке, кажется удивительным мифом, которому место разве что в разделе библейских легенд и сказаний.

Будучи человеком, далеким от всякого религиозного мистицизма, я решил разобраться самостоятельно, в чем же дело и почему простой с виду человек смог изменить целый город. На самом ли деле божественное вмешательство имело место, или же это простая человеческая харизма.

Встреча с пастором Виталием Новаком у меня была назначена на 4 декабря, но в тот день на поверхность всплыла занимательная история. В город приехали ученые из Киева, которые несколькими годами ранее старались научно доказать, что пробуждение П***ска — массовый психоз и гипнотический талант Виталия.

Наша встреча была перенесена, но на пресс-конференцию попасть мне удалось. Не скрою, манера поведения, пунктуальность, чувство юмора, жесты, искусство подать себя, — все подкупает и заставляет верить такому человеку. Кроме того, по отзывам сотрудников огромного центра «Новая Жизнь» Новак всегда и во всем старался быть примером, на который хочется равняться. Глава юридической конторы, знающий Виталия с детства, вскользь обронил, что в свое время он спас от смерти его и еще четверых его друзей. По слухам, именно после приезда Виталия в город древняя легенда о живущем в лесу демоне, державшая в страхе жителей, утратила силу. (Литературную версию легенды «Арбахан — человек-дракон», принадлежащую перу известного писателя Шуршикина, см. на стр. 7.)

Очень сложно было найти хоть кого-нибудь в городе, кто смог бы рассказать о Новаке что-либо негативное. С другими церквями города он поддерживал партнерские отношения, что весьма редко случается в наше конфликтное время. Мэрия вообще считает, что социальные программы города не смогли бы состояться без церкви «Новая Жизнь».

Обычно у преданных обществу людей хромает семейная жизнь. Оказалось, что Виталий — отец-одиночка, жена его погибла в авиакатастрофе с миссией «Красного Креста» где-то на Востоке, когда дочери было всего пять лет. Родители Виталия переехали в Лондон...

Буквально перед выходом газеты в печать до нас дошли при- скорбные известия о смерти Ксении Новак, матери пастора, и о несчастном случае, связанном с отцом Виталия — Андреем Ивановичем. Издательство выражает глубокие соболезнования

Виталию Андреевичу, всем друзьям и родным Ксении и Андрея Новак.

Ксения и Андрей привезли Виталия в П***ск, когда он был еще школьником. В свое время родители Виталия были важными деятелями науки, принесшими в наш сегодняшний мир не одно достижение, и их переезд, скорей всего, был связан с работой над экспедиционными материалами. (Сенсационные данные о секретных проектах 80-х годов см. на стр. 3.)

Встретиться с пастором мне удалось в день перед праздником, проходившим на городской площади. И хочу вам сказать, я буквально влюбился в этого человека (подробное интервью с Виталием Новаком читайте на стр. 8, 9). Позже вечером, когда недомогание сбило с ног Виталия, я сам готов был ринуться на сцену откачивать пророка нашего времени.

Но как бы ни опровергали наши сведения и ни запугивали нас органы власти, мы не боимся сказать правду! Наш специальный корреспондент провел расследование и собрал неопровержимые факты, доказывающие, что на пастора на самом деле было совершено покушение, и не кем-нибудь, а МАКСом — всемирно известной террористической группировкой людей-роботов, поэтому не упустите шанс узнать первыми о заговоре, уже погубившем известную ведущую Шейлу Квест в момент передачи информации об этой организации (МАКС — на грани технологий, см. на стр. 2.)

Заказчиком убийства выступила петербургская группировка Еврея, похитившая дочь Виталия и удерживающая ее против воли, желая заставить Новака использовать свои способности в поисках бесценного артефакта. За эту новость мы особенно благодарим Теневую Ирину, приславшую материалы в издательство.

Не секрет, что пастора сейчас нет в городе. Он находится в тайном убежище где-то в Европе, говорят, его видели на торжественном балу, посвященном юбилею сэра Лэндерсона, изобретателя летающего автобуса, о нем вы могли читать в ноябрьском номере нашей газеты. Но мы от всего сердца желаем увидеть Ви-

талия Андреевича вновь на родной земле, и пусть наше скромное издание обличит врагов и привлечет общественное внимание к этой избранной Небесами персоне.

А также не упустите уникальный шанс выиграть наш главный приз месяца — универсальный утилизатор для офисных бумаг. Кроссворд с секретной фразой вы найдете на последней странице газеты.

И не забывайте, мы первые, кто рассказал вам правду!

*Главный редактор газеты
«По ту сторону реальности»*

Секторы громадного здания постепенно погружались в сумрак.

— Я слышал, ты уходишь? — Сержант поправил форму, прилизал мокрыми руками волосы и стер салфеткой брызги с бейджика «M. Scott. Sector D».

— Уйдешь от вас, как же. — Напарник вышел из туалетной кабинки, подошел к соседнему умывальнику и принялся усердно растирать сонное лицо холодной водой.

— А все же...

— Надоело мне здесь, уж лучше на Аляску, за радары следить, чем всю жизнь в бункерах корячиться. — Напарник набрал полный рот воды, ополоснул зубы, скривился и выплюнул. — Чертов зуб, некогда даже к дантисту сходить.

— А мне тут нравится. — Скотт отошел от зеркала в туалетной и принялся рассматривать себя в полный рост. Новая форма определенно к лицу. — Пентагон — это больше чем мечта. Это рай.

— Кхм... — Напарник усмехнулся, отмотал бумажное полотенце и аккуратно промокнул лицо. — Ты уже смотрел это дело?

— Какое? — Сержант стряхнул еле заметные пылинки с рубашки и направился к выходу. — Ты идешь?

— Ну, то, что сегодня передали из ФБР. Парадиз.

— Нет, еще не было времени. Сейчас будем заносить в базу, заодно и прочитаю... А ты-то когда успел? Подожди, у тебя же нет доступа...

— Да? — Напарник удивленно приподнял бровь. — А я не знал.

Сержант обернулся, чтобы улыбнуться, как вдруг в одной из туалетных кабинок что-то зашуршало, и из-под дверей высунулись ноги. Обмякшие, неживые колодки в точно таких же ботинках, как и на ногах друга.

Напарник, оглянувшийся на шум, медленно повернул голову к сержанту...

— Упс! — прошипел он.

Сержант пятился к выходу.

Тело напарника стало сжиматься в талии, расширяться в плечах, темная кожа стала светлой, а рост увеличился на пару дюймов.

Скотт видел себя. Но на этот раз не в зеркале...

Клон, ехидно улыбаясь, приближался к нему.

Правая рука. Кобура на боку. Большой палец. Предохранитель...

Клон исчез.

Легкое дуновение.

Кто-то был за спиной. Сержант резко обернулся. От страха пистолет выпал из рук.

Нечто корявыми лапами вцепилось в голову, подняло над полом. Последнее, что услышал Скотт — хруст своих шейных позвонков.

Сержант Мэтью Скотт твердыми шагами прошел мимо охраны и камер наблюдения. Сканер считал отпечатки пальцев, а лазер распознал сетчатку глаза. В кабинете у небольшого компьютера лежала папка с распечатанными документами МАКС и «Парадиз». А также диск, дублирующий данные.

Сержант осмотрелся. Выдохнув сгусток огня, он спалил бумаги, а диск спрятал за пазуху.

Оптическая мышь сверкнула сканером, когда Скотт положил на нее руку, и электронный замок открылся. С невероятной скоростью Скотт напечатал пару адресов в строке получателя, положил некоторые документы к письму и нажал — «отправить».

Взревела сирена. Скорей всего, нашлись настоящий Скотт и его напарник.

Клон достал из кармана небольшую USB-карту и загрузил в базу Пентагона пару файлов. Теперь все.

У выхода его уже ждали около десятка солдат в шлемах и бронезилетах. Лучи лазерных прицелов упрямо смотрели в грудь и голову клона.

Прыжок.

Автоматные очереди.

Мутным сгустком нечто с огромной скоростью скользило по потолку в сторону туалета.

Новые автоматные очереди. Охрана знала, что преступник захочет скрыться тем же самым путем, каким и проник внутрь Пентагона. Пятно спрыгнуло на пол. Разряд искр и глухие удары гильз. Существо передвигалось так быстро, что попасть в него было невозможно.

Ответный сгусток огня обжег охранников, и те живыми факелами разбежались по сторонам.

Юркнув в вентиляционную шахту, преступник, изгибаясь змейкой, выполз на крышу.

По тревоге уже были подняты вертолеты, а на крыше вторженца ожидали снайперы. Солдаты окружали все выходы, на парковку влетело два грузовика, из которых гроздьями выпрыгивали пехотинцы.

Подобрав у шахты черный шлем, агент преобразился в более изящный силуэт. Пули пролетали мимо. Минув охрану и снайперов, агент продвигался к краю крыши, точно выполняя акробатические пируэты.

Разбег, прыжок — и силуэт шпиона уже парил в воздухе наперекор всем законам физики. Пролетев с сотню метров, агент все же опустился на землю. Яркие вспышки автоматных очередей расчертили небо пунктиром.

— Он уходит к воде! — закричал кто-то, и все силы были направлены вслед. — Взять его живым!

Вертолет лучом прожектора лишь иногда выхватывал мелькающую тень вторженца.

— Он у меня на прицеле! Еще немного и он уйдет!

— Не стрелять! Вызывайте патрульные катера!

Шпион без проблем преодолевал препятствия, решетки и преграды. До воды оставались считанные метры.

— Он уходит! — кричали с вертолета, и беглец это слышал внутри своего шлема.

— Я сказал не стрелять!

— Мы потеряем его. До воды сорок метров.

Навстречу шпиону выскочили двое солдат. Словно сделанный из пластилина, он увернулся от ударов, провел парирующий удар блеснувшим в руках лезвием, и солдаты тьюфяками упали по бокам.

— Тридцать метров!

К берегу подплывал катер с автоматчиками на корме. У агента в руках сталь ножа обернулась дулом пистолета.

Выстрел один, другой, третий...

Катер взорвался, огненным столбом озаряя небо.

— ДЕСЯТЬ МЕТРОВ!

— Огонь! — скомандовал кто-то.

Огненное жало вонзилось в плечо агента.

Еще одно угодило в ногу чуть выше голени, и шпион упал. Обернувшись серым пятном, агент продолжал ползти к воде. Еще одна пуля впиалась в поясницу...

Агент повернулся на спину и открыл ответный огонь. Первая пуля уложила снайпера, вторая летчика, а вертолет взорвался, прежде чем достиг земли.

Волоча ноги по земле, он почти дополз до обрыва.

Автоматная очередь прошла все тело.

Шпион с трудом повернулся на бок и упал в воду.

* * *

Саманта Диксон не любила самолеты и не переносила долгих перелетов. Особенно когда под тобой пустота называемая Ат-

лантическим океаном. Естественно, бизнес-классом лететь лучше, чем экономическим, но чувство дискомфорта не покидало ее с самого Мюнхена.

К тому же этот чудаковатый проповедник...

Забавно, но ведь она отчетливо видела всадника на крылатом коне. Еще бы...

Еще пара бессонных ночей, пара литров кофе — и этот всадник ей колыбельные петь начнет и ламбаду выплясывать. Бред и переутомление, она не первая и не последняя. Вот только почему странное волнение и чувство неизбежного зла не покидают ее?

А может, и вправду подать в отставку, перейти в организацию попроще, чем Интерпол? Ведь ей предлагали место старшего детектива в Айдахо, в каком-то тихом и спокойном городке.

Нет, не создана она для офисной работы. Убийства, маньяки, заговоры, международные террористы, паранормальные явления — вот что дает ей силы. Если она уйдет из спецслужбы, жизнь ее станет серым, пустым существованием, а на такое осознанно она не пойдет.

— Мисс Диксон. — Чтобы не тревожить дремлющих пассажиров, стюардесса наклонилась почти к самому уху агента. — Вас просят зайти в кабину пилота.

Диксон поморщилась, словно то, что говорила девушка, могло быть каким-то недоразумением, но все же встала и прошла вслед за стюардессой в «святое святых» самолета.

— Агент Диксон? — Командир экипажа ждал ее у дверей. — Вам срочный звонок из Пентагона.

Саманта знала, что батарея ее мобильного села еще в Лондоне, но что за срочность, она в любом случае позвонила бы из дома, как только добралась бы туда. Пентагон — это вообще что-то из ряда вон выходящее.

— Саманта Диксон. Слушаю. — Она взяла трубку и отошла в угол кабины.

Стюардесса деликатно покинула кабину, а пилот занял свое место, продолжая прислушиваться.

— Саманта, сделай милость купи зарядное устройство, — напарник Джим Гитерман улетел домой в Штаты еще вчера, но голос у него был невеселый и уставший.

— Что у тебя там?

— Сегодня ночью в Пентагоне были гости. Точнее гостя.

— В смысле.

— Скорей всего, это был кто-то из МАКСа.

— Вы ее взяли?

— Тело только что выловили. Минут через десять она будет в морге.

Диксон облокотилась о стенку. Неужели удалось убить еще одного из людей МАКСа? Саманта отлично помнит ту ночь, за день до убийства Грэдисона, когда погибла почти вся ее команда. Она загнала Тень в тупик на крыше, но та, не желая сдаваться, спрыгнула вниз...

Да, они нашли ее тело под окнами, но на следующий день Грэдисон все равно был убит. И не кем-нибудь, а именно Тенью.

— Цель нападения известна?

— Угу, файлы по МАКСу и «Парадизу». А самое веселое знаешь что?

— Ну, развесели...

— Кровь, что взяли на анализ у места захвата, принадлежит Светлане В. Новак.

— Закажи мне билеты из Миннеаполиса.

— Уже сделано. Смотри, не опоздай на пересадку на полчаса. Шеф тут рвет и мечет.

— Угу. — Саманта отключила телефон и отдала трубку командиру.

— Что-то не так?

Он думал, что она ему что-то скажет. Или они все решили, что в Америке началась война? Хотя кто знает, может так оно и есть. МАКС пошел в нападение, а это страшнее любой войны.

Преодолев многоуровневую охрану, Саманта добралась до конференц-зала. Здесь были собраны почти все. Военные, полиция, ФБР, ЦРУ и некоторые коллеги из Интерпола.

— Пройдя через вентиляционную шахту, Новак попала в туалетную на третьем этаже. — На экране проектировалась модель вторжения.

— Это невозможно, — перебил кто-то из охранной службы Пентагона.

— Физическая трансформация тоже невозможна, но, как мы видим, на камере... — Щелчок и на экране в замедленном темпе прошел ролик, в котором сержант Скотт превращается в стройную девушку. — Невозможное для нас возможно для МАКСа.

— Генерал, простите, я, видимо, что-то пропустил, но зачем МАКС нужны были документы, связанные с «Парадизом». — Агент Беккер из ФБР никогда не нравился Саманте. Особенно такими вопросами. Словно он все это время думал только о своем, просчитывал исключительно правильную версию, считая остальных тупыми бляющими овцами.

— Спросите это у МАКСа. — Генерал Табаш, на данный момент главный представитель военной мощи США, разделял мнение Саманты относительно выскочки из ФБР.

— И все же МАКС отправляет своего человека зачистить следы, при этом натывается на файлы похожей секретности. — Агент словно говорил сам с собой. — Почему-то Новак удаляет все документы, связанные с МАКСом, а файлы о «Парадизе» отправляет в самые скандальные издания. Сегодня этой информацией обладают миллионы, если не миллиарды.

— К чему вы клоните? — не выдержал кто-то из высших чинов ЦРУ. — У нас атака на Пентагон. Удалены доказательства существования МАКСа, а вы переживаете о какой-то легенде.

— В отличие от вас я пытаюсь думать.

— Думайте молча!

— Зачем было МАКСу предавать огласке эти документы? Кто-то хотел спровоцировать...

— Что спровоцировать? «Парадиз» — это миф! — выкрикнул кто-то. — Оттого, что о нем узнают миллионы из желтой прессы, ничего страшного не произойдет. Это просто плевков в сто-

рону Пентагона, на месте этой информации могла быть любая другая.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему! Только почему-то этой ночью постсоветский фаервол добавил в свою базу слово «Парадиз». Ни один пользователь бывшего Союза эту информацию найти не сможет!

В зале повисла тишина.

— Продолжайте. — Генерал опустился в кресло.

— О чем продолжать? О том, что одна из тайн КГБ оказалась доступной человечеству? О том, что МАКС вышел на открытую войну против всех спецслужб мира? Господа, «Парадиз» не просто легенда — это мышеловка. Способ развязать войну, которой не было многие тысячелетия. Я говорю о реальном конце света, который может очень скоро начаться. О войне с духами!

— Эадин Беккер, вы даете себе отчет?

— Вполне.

— Отдел паранормальных явлений закрыт, — съязвил кто-то из полиции.

— Значит, самое время открыть его снова. — Беккер встал из-за стола. — Сипталех уже готов к войне.

— Какой еще Сипталех? — Генерал потер переносицу, словно это могло прекратить кутерьму и расставить все по полочкам.

— Демон! Верховный жрец Амона Ра...

— Беккер, покиньте помещение и проветрите голову, — рявкнул генерал Табаш.

— Нет проблем. Но я все же закончу. К великой радости, мы живем не в бывшем Союзе, так что летопись его дней вы можете найти на любом «желтом» сайте. — Беккер пустил по столу в сторону генерала распечатку каких-то интернет-страниц, а сам направился к дверям.

— И какое это имеет отношение к вторжению в Пентагон?

— Спросите об этом МАКСа, — бросил Эадин, уже не оборачиваясь.

Саманта опустила глаза на одну из копий.

«Великая жизнь и смерть богоподобного Киранеза — жреца и сына Амона Ра».

Догнать Эадина получилось уже у выхода из здания.

— Агент Беккер, — окликнула его Саманта.

Агент ФБР остановился, но обернулся не сразу. Пару раз ему приходилось сталкиваться с Самантой, и он тоже был от нее не в восторге. Очень уж резкой, самонадеянной она ему казалась. Она по натуре лидер, как и он. А двум лидерам на одном квадратном метре всегда тесно. Единственное, что заставило его остановиться, авантюризм, на который способна лишь Диксон. Она скорее возьмется за самое сложное и неизвестное, чем доступное и расписанное дело.

Он дождался, пока Диксон подойдет ближе, затем бросил через плечо:

— Чем могу быть полезен?

— Беккер, я вам верю.

Этого он не ожидал.

— Что? Я не ослышался?

Саманта смущалась, словно ей пришлось признать себя виновной в каком-то смертном грехе.

— Я видела Сипталеха.

Беккер готов был к спору, доказательствам, соревнованию в раскрытии дела, но никак не к тому, что агент Диксон сможет стать его союзницей.

— Это все, что у вас есть? — Саманта теребила в руках распечатку.

Эадин усмехнулся, прикрыл глаза и, сделав глубокий вдох, тихо прошептал:

— Вы не боитесь проклятья? За то, что знаю я, Сипталех может и убить...

— Я не верю в проклятья.

— Зря... «свои секреты он хранит, как темный грех, и покарет смертью могучий Сипталех»...

Теперь Саманта улыбнулась.

— С живыми справляюсь, так что с мертвыми уж тем более управляюсь.

— Ну, тогда поехали, агент Диксон, и не говорите потом, что я не предупреждал. — Беккер запахнул плащ и вышел на парковку...

Мир за горизонтом времен

Вдали от шума и беспокойств римских войн на открытой площадке из белого камня под белым шелковым тентом сидел мальчик. И хотя детская фигура и лицо выдавали его десятилетний возраст, он был римлянином, а значит, человеком, имеющим право на многое.

Под шорох ветра, перегонявшего песчинки под его ногами, мальчик читал старый свиток, который, казалось, от неосторожного движения и сам может обратиться в прах.

— Корнилий! — донеслось с террасы.

Старый грек Филипп, купленный дядей, был в их доме больше чем рабом и учителем. Он был другом и обладал правами члена семьи, чем он, правда, никогда не пользовался. Спал со всеми слугами, да и ел с ними же. Но когда дядя был дома, он все же заставлял Филиппа обедать с ним за одним столом.

— Корнилий!

Мальчик слышал голос наставника, но он казался таким нереальным по сравнению с египетской летописью, которую Корнилий штудировал вторую неделю.

— Господин! — Филипп вышел на площадку и, немного прихрамывая, направился к ученику.

— Филипп, я не голоден.

— Немедленно ступайте в дом! — Старик старался говорить строго, но удавалось это плохо. Он любил Корнилия за его стремление к знаниям. Казалось, что наука увлекала парня больше, чем военное ремесло. Филиппу дано было право наказывать воспитанника, но разве за такое стремление к науке и привязанность к дяде можно наказывать?

Старик взошел под трепыхающийся тент и навис над креслом, пытаясь рассмотреть записи на свитках.

— Пойдем поешь, потом вернешься. Все равно он приедет не раньше, чем к заходу солнца.

— В прошлый раз он задержался из-за каравана, на этот раз он появится раньше, чем тень кипарисов коснется террасы, — не отрываясь от свитка, пробубнил мальчик.

— Этого времени вполне достаточно, чтобы поесть.

— Этого времени достаточно, чтобы сильнее проголодаться и возлечь вместе с дядей за праздничным столом.

Наставник лишь тяжело вздохнул и поплелся обратно в дом, обреченно кивнув рабыне, чтобы та уносила еду обратно...

— Филипп! — раздался звонкий голос ученика.

Старик обернулся и заметил, как на горизонте в плывущем мареве палящего солнца появилась конница со знакомым гербом и флагом знатного римского рода.

Корнилий весь вечер не отходил от дяди. Он лично помог ему переодеться и принес теплой мятной воды с лепестками роз. Он ловил каждое слово и хотел запомнить каждый миг из дядиного рассказа. За ужином он специально расположился рядом, чтобы наполнять дядину чашу, если она опустеет. А еще он ждал...

Дядя всегда привозил с собой из Александрии новые свитки. Почему-то папирус, на котором писали египтяне, дядя презирал, и потому каждый раз, находя в Великой библиотеке что-то ценное или интересное, забирал с собой, переводил, переносил содержание на пергамент, обрабатывал известным только ему эликсиром, дающим пергаменту бессмертие, а папирус увозил

обратно в Александрию. Люди любили и боялись летописца. Поговаривали, что сами боги открыли ему тайну всех языков и наук мира, а еще подарили ему секрет бессмертия. Глупцы! Хотя то, что было найдено на этот раз, вполне могло бы стать исполнением последнего пункта.

— Так, что-то устал я очень, пойду, наверное, спать, — хитро сообщил дядя.

— Да, конечно... Вам помочь умыться? — спросил Корнилий.

На лице мальчика были написаны обида и разочарование, но голосом он этого не выдавал. Не выдал он это ни единым поступком, помогая дяде устроиться в кровати. Дядя тоже решил играть до конца, и лишь когда лампы были погашены, а Корнилий почти закрыл двери, он произнес:

— Жаль, что ты уходишь, а то я хотел тебе показать уникальные свитки.

Глаза Корнилия загорелись ярче факелов на смотровых башнях.

— Если ты сможешь их прочесть, я возьму тебя в следующий раз с собой. — Улыбаясь, дядя достал из стоящего при кровати сундука бесценный свиток в золотом футляре. В бликах коридорных огней Корнилий выхватил первую строчку инкрустированных на футляре египетских иероглифов.

«Великая жизнь и смерть богоподобного Киранеза — жреца и сына Амона Ра».

Шли месяцы...

Корнилий так и не смог прочесть больше ничего, кроме этих строк, написанных на футляре. Папирус содержал тысячи новых знаков, которые не представляли ни смысла, ни значения ни в одной из изученных им культур. Оказалось, что это язык хитрых жрецов бога Солнца и без специального ключа эти рукописи прочитать невозможно. Но у дяди были все 366 ключей, которыми пользовались жрецы. Единственное, что оказалось сложным, так это понять, который из них использован в хрониках Киранеза.

Дядя работал над этими рукописями дни напролет, забывая о праздниках, сне и иногда даже о еде. Корнилию было позволено наблюдать за дядиной работой, но мешать он не хотел. Ведь чем раньше дядя закончит перевод, тем быстрее секреты Киранеза станут доступны и ему.

Дядин азарт рос с каждым законченным свитком. Казалось, что разгадка тайн всего мира откроется ему в конце манускриптов. По сути, так оно и было, но римский криптолог понятия не имел, что ожидает несчастную армию из двух сотен легионеров, что отправится на поиски мест, охраняемых уже не жрецом Киранезом, а демоном Сипталехом.

Почти полгода прошло со дня появления в доме загадочных свитков.

Это случилось ночью. Все было не так, даже холодное дыхание зимних ветров сделалось непривычно теплым, и ветер, покрывший желтым песком белую площадь, нахально угашал с трудом зажженные факелы на городских стенах.

Корнилий знал правило — «не читать, пока последнее слово не будет переведено», но груз любопытства стал непомерно тяжел для него. Дядя как раз уехал из дворца закупить больше овечьих шкур и масел для своего чудо-эликсира и до рассвета вернуться никак не должен был.

Распалив лампу, Корнилий аккуратно раскрыл первый пергамент...

«В день, когда Амон Ра (солнце) скрыл свой лик, совещаясь с мудрым Тотом (луной), у великого Сета родилось два сына. Один от царицы Туи и назвали его Рамзесом, а второй от жрицы Мак, и назван он был Киранез — Знающий тайное...»

Корнилий так увлекся чтением, что не заметил, как в библиотеку вошел дядя.

Крик раненого зверя, вот на что был похож вопль отчаяния. Дядя упал на пол, проклиная себя и разрывая на себе одежду.

— Дядя, простите, я не виноват, я не хотел, — стал оправдываться племянник.

— Я старый дурак, я должен был спрятать их от тебя, что же я натворил! — Старик катался по полу, и на крик стали сбегаться слуги.

— Простите, простите меня... — едва выдавливал из себя испуганный Корнилий.

— Это ты прости меня, мой мальчик!

Стены задрожали, и ночь стала приобретать алый оттенок. Жар, опаляющий зной ворвался в библиотеку, срывая с цепей пыхтящие лампы. Деревянные полки, заставленные свитками, покосились, и пергаменты вспыхнули в одночасье нереально синим огнем.

— Что за?.. — Филипп не успел договорить, как поток огня вынес его и остальных слуг из охваченной жаром библиотеки. Дверь захлопнулась, пленив дядю и мальчика.

— Что? Что тебе еще нужно?! — рыдая, прокричал криптограф. — Я же сделал для тебя копию.

— Одна копия, одна душа, — зашелестел огонь, пожирая свитки.

— Но, как... Я думал... Я же скопировал все, все в точности как на пергаменте. Вот возьми! И оставь нас в покое! — Из-за паузы дядя вытащил пергаменты с теми же знаками, что видел Корнилий на папирусе.

Огонь стал нестерпимо жарким и окружал их отовсюду. Если огонь может смеяться, то он это делал весьма искусно, и смех этот обжигал сильнее пламени.

— Не бойся, тебя я не трону. Ты заплатил за свое невежество. Твоя рукопись дала мне будущее, и это сделал ты. — Языки пламени оторвались, сплетаясь огненными змейками в гигантскую ладонь, которая приняла из рук ученого копию рукописи. Пергамент почему-то не загорелся... Больше того, он просто исчез в этом огне. — А переведенные шкуры ты доставишь в Рим...

— Если ты сейчас же не уйдешь, то я...

— Здесь я ставлю условия! — Огненная ладонь схватила старика за грудки и подняла к потолку. — Тебя я оставляю в живых, но мальчишку заберу с собой!

— Нет! Нет, пощади! — На лице старика появились слезы. — Заклинаю тебя всеми богами, возьми лучше меня, а его оставь.

— Зачем...

— Я дам сопроводительное письмо, и он сможет доставить письма в Рим. Но если ты убьешь его, то и я покончу с собой, клянусь Богом иудеев.

Взрыв, сильный, словно новое солнце родилось посреди дворца.

— Да как ты смеешь!

— Ты меня слышал, Сипталех, — хрипел старик, — я признаю свою вину. Бери меня, но оставь его.

— Ну, как знаешь! — ухмыльнулся огонь. — Пять минут!

Ладонь разжалась, и старик упал на пол. Корнилий, все еще не понимая в чем дело, кинулся к дяде.

— Дорогой мой мальчик, прости за то, что я втянул тебя в это.

Перед дядей опустился пергамент и чернильница со стилем, пишущим послание для Рима.

— Возьми те свитки, что ты читал, и отвези их к императору.

— Но ведь...

— Послушай меня. Делай, как я тебя прошу.

— Хорошо, дядя.

— Затем отправляйся в Иудею и будь там...

— ДОВОЛЬНО! — заорал огонь. — Ставь печать!

На пергамент с запиской вылился расплавленный воск, и дядя с силой ударил по нему золотой печаткой.

Вспышка!

Хлопок!

Пустота!

Объемная и густая тишина упала на библиотеку, пожирая огонь и запах гари. Ветер утих, а дверь с грохотом отворилась, и в помещение ввалились слуги, опаленные и уставшие в неравной битве с заклятием.

Филипп осмотрел библиотеку, точно пережившую извержение вулкана. Стеллажи были сожжены, свитки пергаментов тоже. Посреди комнаты на полу тихо плакал Корнилий, прижимая к себе письмо с запеченной в огне печатью.

Черный уголь, лежавший у ног Корнилия, напоминал фигуру человека с вывернутыми ногами и сжатыми руками у груди, лишь золотая печатка на указательном пальце сообщала ужасную правду.

До Рима было дней пять пути.

Корнилия лихорадило, и бред был настолько реальным, что казалось, он навсегда потерял границу между миром реальности и миражами. Прижимая к себе все крепче переведенные свитки, Корнилий выкрикивал странные фразы, которые все больше пугали Филиппа.

Немного холодной воды из придорожного колодца — и Корнилий снова уснул. Если бы только знал грек, что видит во сне его ученик, вряд ли он настаивал бы на том, чтобы тот как можно больше спал.

А видел мальчик все тот же сон, как в день солнечного затмения у фараона Сета родились два сына — Рамзес, который был вторым из фараонов, названных этим великим именем, и Кира-нез, который стал жрецом, и оба они стали свидетелями дней Десяти казней...

Свиток 1

Пустыня, чужая и холодная, волнами песка поднималась за его спиной, оставляя дюны высотой с человеческий рост. Солнце взойдет нескоро. Песок спит, набирая силы перед новым днем, и лишь тишина и эхо гулкового стука копыт сопровождают его. Он ехал почти сутки без отдыха, но даже верный конь не просил остановок. Поговаривали, что всадник специально поил своего вороного жеребца дурманящим зельем, от которого тот не чувствовал ни холода, ни зноя, не боялся дальних дорог и не сбавлял хода даже перед горячей стеной. Коня люди боялись не меньше, чем его седока.

Говорили, что этот жеребец — подарок самого Сета, ведь всадник был любимчиком богов...

Те дали ему все: мудрость, которая перетянула бы на весах знания всех жрецов Египта, ловкость и меткость, которым завидовали военачальники фараона, красоту, о которой спорили все царицы близлежащих земель, а также способности, о которых боятся говорить вслух. В глаза ему не смотрят, так как страшатся увидеть в них то, что не должны. Вопрошать не смеют, чтобы не услышать ответ, разрезающий камни. Недаром в день посвящения его имя было записано на колоннах храма Амона Ра, ибо пришел день самого Киранеза — Знающего тайное! Посланника и сына богов. Самого великого из жрецов Египта.

Конь замер на песчаной горе, слово понял бессловесный приказ Киранеза. Жрец опустил руку в кожаный мешок, болтавшийся на левом боку в противовес жезлу на правом, и извлек из него

стеклянную пирамиду в позолоченном деревянном футляре. К пирамиде на золотых стержнях крепились около двух десятков разных фигур — шары, кубы, пирамиды и многогранники. Жрец всмотрелся в одну из маленьких пирамид, и в бледном сиянии луны увидел стены Мемфиса — прославленной столицы. Они были почти рядом, словно стоит протянуть руку, и она упрется в центральные ворота. Но это лишь иллюзия переплавленного песка...

Жеребец дождался, пока Киранез уберет в сумку «глаз Тота», и припустил с большей резвостью, взрывая песок и бросая вызов знобющему ветру. Мемфис ждал, и даже боги не знали, что готовит им новый день...

В город Киранез въехал к тому времени, когда солнце поглотило всякую тень, и жрецы Амона Ра затянули хвалебную песнь великому богу. Объехав храм и статую Тота, которому обязан был жрец своей мудростью, и коснувшись колонн Ра, где было высечено имя Киранеза, он отдал дань богу, наградившему его сверхъестественной силой. Дальше была колонна богов и фараонов, что наблюдают за ним, помогая принимать правильные решения, и охраняют от бед. Всем им он приносил жертвы, и не раз. Пусть знают боги, что он ценит их благосклонность и хочет сохранить ее и дальше. Даже жертвы Сету не огорчают богов, наоборот, Киранез словно стал связным между непримиримыми врагами.

Копьеносцы, стоявшие вдоль аллеи, ведущей к дворцу фараона, походили на золотые статуи, и даже волосы их боялись шелохнуться под порывами знойного ветра, но стоило Киранезу въехать в аллею, как один за другим «статуи» преклоняли колени, втыкая копыя наконечником в гравий, принесенный рабами с берегов Нила.

Жрец остановился у каменных ступеней, ведущих к золотому начищенному до блеска входу во дворец, сияние дверей затмевало даже солнце. Все верно, таким и должно быть жилище бога, сошедшего на землю в теле человека. Да и имя Рамзес — очеред-

ное тому напоминание. Только вот неясно, отчего у бога ничего, кроме власти, нет... не ошиблись ли повивальные бабки, принимавшие роды в один день у царицы и жрицы...

Киранез ни о чем не жалел, он не хотел бы променять свой магический посох на скипетр власти. А вечную славу можно получить и не будучи фараоном.

Охрана узнала в госте брата фараона, но все же скрестила копья, преграждая путь в палату владыки Египта. Простой ритуал, Киранезу ничего не стоило бы подавить волю беспринципных стражей или даже спалить их огнем из фляги, наполненной слезами Сфинкса, но они делают то, к чему их обязывают боги. Их жизнь — ничто, и они готовы положить ее за фараона, а это всегда было ценно в глазах Киранеза. Ведь фанатичный слуга стоит больше самых старых друзей. Жрец распахнул хламиду, и на груди, играя в лучах светила, зардел огромный красный алмаз, оправленный в золотой диск в форме солнца. Копья убраны, охрана пала на колено, пряча лицо от гневного ока Амона Ра.

Палата была пуста, и солнце пряталось за парчовыми шторами. На золотых столбах в три ряда пылали лампы, а под потолком клубился голубоватый пар.

Легкий шелест ветра. Тяжелые шторы вздохнули, свет ламп задрожал и погас. Облако прохлады опустилось на жреца, и из-за колонн послышался звук духулаты.

Тихое и заунывное, похожее на погребальную мелодию пение зашелестело в тумане, проникая в сознание жреца, но не дальше того уровня, что он сам запирает от гипнотических песен Хатхор. Аромат тумана был сладок и вожделен, хоть и нестерпимо жег гортань. Простой человек вдыхал бы его глубже и глубже, пока дурман не проникнет в кровь и не наполнит мозг морфинами. По-видимому, жрец должен был начать видеть видения, мистических существ и прочие галлюцинации, но нет в мире трав, которые своим дымом смогли бы одурманить Киранеза.

Яркие вспышки света по четырем углам палаты обрели формы и медузами поплыли к золотому трону. Сгустки абсолютно света обретали формы людей, левитируя, они приблизились

к ступеням. Коснувшись пола, «медузы» превратились в личных слуг фараона.

Новая вспышка, но более яркая, подобно молнии расчертила потолок, ударила в трон, где из огня появился облаченный в золото грозный правитель Нила, сын бога Ра, славный фараон Рамзес Второй. Он словно не замечал жреца, надменно взирая под купол своей тронной залы.

— Передай Ианнию и Иамврию, что их дешевые фокусы пригодны лишь евнухов развлекать. Колонны полые, поэтому тех бедняг, что вы спрятали этажом ниже, слышно здесь вместе с их духулатами и песнями Хатхор. Туман из благовонных трав пустырей на самом деле смотрится красиво, но из-за дыхания кипящей воды, которым заставляют его оседать, он теряет половину своей силы. Отражающие блюда из расправленного песка... Наконец-то эти лентяи поняли, в чем прелесть этого великого дара. Ведь только благодаря отражающим блюдам и паре грибных кореньев плывущее появление твоих слуг стало возможным. Сколько ты их мучил, прежде чем они смогли выходить в том месте, где опускается святающийся пар?

— Я просто убивал ошибающихся, — очень по-детски и обиженно произнес фараон.

— Твое появление, повелитель, более эффектно, но горящая вода однажды спалит твой золотой хитон, а Ра закроет свое око облаком в решающий момент — и вспышки не получится.

Фараон со злостью швырнул скипетром в одного из слуг... Но на полпути скипетр перехватила рука, появившаяся из ниоткуда, а затем на том месте уже стоял и Киранез.

— А как у тебя такое получается?

— Поверь, мой правитель, ты не хочешь этого знать. — Киранез встал на одно колено и протянул скипетр фараону.

— Все пошли прочь! — приказал фараон стражникам, и тех словно ветром сдуло, но никакой магии в этом не было. Не было даже эффектов хитрых кудесников, просто слуги были рады, что вообще остались в живых.

Фараон встал с трона и поднял с колен жреца.

— Брат мой, как я по тебе скучал! — Фараон очень нежно и с любовью обнял Киранеза.

— Я тоже, Рамзес... Но мое отсутствие не было напрасно! — ответил жрец на объятия брата.

— Ты нашел их?

— Да...

Фараон расплылся в улыбке, как ребенок.

— Но мы не сможем выращивать своих...

Лицо сына бога солнца вмиг стало серым.

— Но...

— Да, греки далеко ушли в генеалогии, я даже смог похитить одно существо и изучал его поведение и строение...

— И что?

— Сила коня, мудрость человека. И живут кентавры почти двести лет. Расположение органов абсурдно, и убить его одной стрелой невозможно.

— А формула? Тебе удалось?..

— Нет никакой формулы. А если и была, то ее никто не записывал. Посвященные пребывают глубоко в шахтах гор. Но сила их мысли больше моих сил. Один из кудесников пронзил себя мечом, как только понял, что я достаю его знания...

Фараон уже не слушал брата. Его лишили надежды получить формулу богов. Возможность творить полулюдей. А так хотелось сотворить Анубиса и посадить с собой на троне. Да даже минотавр, которого ему показали в лабиринте на острове в Северном море, был бы знатным трофеем. Видно, боги сердятся на Рамзеса за то, что он решил творить их. Или же брат им пожаловался. Ведь он на короткой ноге с ними. Киранез — лучший! Он не мог просто так вернуться с пустыми руками, может, он просто не хочет открывать тайну? Ну и не надо! Главное, пусть он сотворит двух молодых самцов кентавров и запряжет ими мою колесницу...

— Они не возят колесниц.

— Сколько раз я тебе говорил не читать моих мыслей! — грозно замахал жезлом Рамзес.

— Для меня мысли, что для тебя слова. Ты не можешь заставить уши не слышать, а я не могу запретить себе быть ясновидцем...

— Ну ты и змей, Киранез! Сет твой отец, а не Ра! — хихикнул фараон и опустился на трон. — Так что ты мне привез?

— Философский камень.

— Ты смеешься надо мной? — вскипел фараон. — У меня камней мало?..

— Такого нет. Он единственный в своем роде. Его владельцем был один мудрец, получивший его в дар от греческих богов. Этот камень у него похитил Мидас, и боги наказали его...

— Не томи, жрец! Что за камень?

— Мидас был глупым и жадным правителем, — неспешно продолжал Киранез, не обращая внимания на нетерпение брата. — Камень этот обращает в золото все, к чему прикасается...

У фараона даже глаза окрасились золотым оттенком. Его мысли можно было читать и не ясновидцу, он уже видел, как превращает в золото все: пирамиды, храмы, стены, песок, Нил!

— И был так неосторожен в своей жадности, что сам обратился в золотую скульптуру. — Киранез достал из подола хламиды золотой парчовый платок, на котором лежал отшлифованный кристалл размером с крокодилье яйцо. — Если человек жаждет золота для славы, камень накажет его, а безразличный к богатству сможет распоряжаться им как угодно.

Фараон поежился и убрал наполовину вытянутую руку.

— Но ты же снимешь это заклятье? Правда?

— Попробую, — усмехнулся жрец.

Киранез убрал кристалл обратно и присел на кресло советника возле трона.

— А что нового у тебя, владыка Египта? — Хоть Киранез и был серьезен, но последняя фраза звучала с шутливой издевкой.

— Да тоска... Тоска смертная. Вот решил новый круг стен отстроить.

— Видел я. Основание, смотрю, уже заложили.

— Ну, должен же я рабов чем-то занять. Расплодились как саранча. Пусть лучше будут заняты работой, чем размножением...

— Брат мой... Ты забываешь, что этими крысами отстроен Мемфис. И если бы не Цафнаф-панеах, то сегодня Египет был бы историей, умершей в песках.

— Да-да-да... Киранез, боги послали нам Цафнаф-панеаха лишь как раба, мудрого, но раба.

— Ты недооцениваешь силу их Бога.

— Не смей меня... Бог пастухов и рабов. У моих кудесников силы больше, чем у их Бога.

— Тебе видней. Ты же у нас богоподобный Рамзес.

— Да, я фараон, а ты всего лишь жрец, и боги будут слушать меня, если мне будет угодно...

Киранез расхохотался так громко, что полые колонны задрожали.

— Раз мы заговорили о рабах... Ты не поверишь, кто вернулся в Мемфис.

— Поверю...

— Помнишь историю о том, как наша бабка вытащила из Нила рабского младенца и он рос вместе с нашим отцом...

— Дальше.

— Ну вот, он убил одного из египтян и сбежал...

Жрец поднялся с кресла и спустился по ступеням, уже мало слушая брата.

— Так вот прошло уже сорок лет, и говорят, что он вернулся. Мало того, говорят, волхвовал на главной площади. Посох в змея обращал, проказой покрывался. Воду в кровь обращал... Ианный мне не только змей из посохов творил, а воду в кровь Иамврий еще в прошлом году обращал....

— Зови своих кудесников, Моисей и брат его уже поднимаются по ступеням дворца, — очень холодно сообщил Киранез.

— Что?!

— Ты меня слышал? Быстро! И не стоит устраивать огненного выхода, их он вряд ли удивит. Лучше отдай приказ собрать

в задней комнате всех жрецов и волхвов и пошли за моими книгами. Похоже, нас ожидает война.

Через золотые ворота в палату фараона вошли два старика: серые балахоны, седые длинные бороды, пастушеские посохи и нерешимость в глазах. Но что-то было с ними еще или Кто-то, невидимый для остальных, но хорошо ощущаемый Киранезом. Жрец чувствовал, как напряглись боги, ожидая удара, он словно видел, как они собирают все свои силы, чтобы оказать сопротивление Тому, Кто очень долго ждал и терпел... Он прощал богов только потому, что когда-то они дали пристанище Иосифу и его семье, но теперь Он в гневе, и война будет ужасной... Война, в которой сражаются боги и будут гибнуть люди.

Старцы замерли посреди зала.

Жрецы и волхвы, собранные по просьбе Киранеза, толпились вокруг трона. Напряжение росло, воздух стал накаляться, и казалось, вот-вот заблещут молнии.

— Что привело вас во дворец богоподобного Рамзеса? — начал старший из фараоновских кудесников Ианний. — Что привело тебя, Моисей, сын рабов, воспитанный Царицей. Ты был изгнан из земли, принявшей тебя...

— Я сам бежал.

— Бежал, значит, знал, что на руках твоих кровь! Зачем же вернулся? Просить милости фараона? Или же ты хотел занять его трон?

Волхвы тихо зашумели, подхватив шутку кудесника.

— Мы пришли сказать тебе слово от Бога! — раскатом грома пронеслись слова Аарона.

— Ты ли это, Аарон? — Иамврий встал со своего кресла при троне. — Безумец, отвращающий рабов от поклонения великому Амону Ра. О каком Боге ты говоришь? Ты не жрец, чтобы слушать речи богов.

— Бог Иегова, Яхве, Саваоф имя Ему! И только Он один правит землю! Он Бог Авраама, Исаака и Иакова, отцов наших,

приведший нас в эту землю, повелевает тебе, фараон, отпустить народ Его для служения Ему.

Недовольный гам жрецов прервала поднятая ладонь фараона. Киранез же стоял в стороне, словно безучастная тень полых столбов.

— Это вы смущали рабов рассказами и фокусами... Да кто такой этот Бог, что повелевает мне? РАМЗЕСУ! Сыну бога Амона Ра!

— Бог Израиля призвал нас. Отпусти нас в пустыню на три дня пути. Принести жертву Господу, Богу нашему, чтобы Он не поразил нас язвою или мечом.

— А мне с этого что? Вас и так здесь больше чем достаточно! А раз времени у вас хватает на эти бесполезные разговоры, я ПОВЕЛЕВАЮ! Не давать впредь солому для делания кирпича! Пусть сами ходят и собирают ее! Пусть будут заняты работой, а не пустыми разговорами!

— А что сделать с ними? — ехидно спросил Иамврий.

— Отпустить!

— Отпустить? — переспросил кудесник.

— Да! Их народ сам их и покарает! Уберите их!

Стражникам не нужно было повторять дважды. Под смех и радостные восклицания колдунов старцев выпихнули за ворота палаты. Лишь Киранез недовольно посмотрел вслед пророкам.

— Брат мой... Это только начало.

— Что? — Фараон в своем ликовании не понял, о чем речь.

— Они еще вернутся. И клянусь оком Амона Ра, Египет потрясет ужасная война.

— Оставьте нас! — гаркнул фараон, и жрецов словно смыло разливом Нила.

— Ты думаешь... рабы поднимут восстание?

— Хуже. Их Бог уже восстал против всей нашей земли!

— Тьфу... Я уж и вправду поверил, что что-то случится.

Киранез холодно посмотрел на брата.

— Да ладно тебе. У них Бог один? А у нас больше десятка. Так что... победа будет за нами. — Фараону не нравилось то, что Ки-

ранез никак не реагировал на его ответ. — Пройдут годы, и мы еще будем смеяться над этим странным визитом и их Богом.

— Великому Рамзесу видней! Позволь мне покинуть тебя, брат. Я должен явиться на вечернее жертвоприношение.

Фараон рассмеялся.

— Видел я твою телицу для жертвоприношений. И отпрыска вашего тоже.

Киранез сделался блее стен.

— А ты знаешь, мой милый брат, что верховному жрецу не позволено иметь жену... хотя да, она тебе не жена вовсе...

Сжатые кулаки Киранеза вспыхнули огнем. Синим и почти прозрачным.

— Ну да ладно... не злись. Никто не знает, кроме меня... И не узнает. А теперь ступай. Я хочу отдохнуть.

Огонь исчез, и Киранез, резко развернувшись, зашагал прочь.

— Киранез! — окликнул фараон брата почти у выхода. — А отпрыск очень уж на тебя похож, это бросается в глаза. Приводи его завтра, я обещал принцу натравить на рабов молодых пантер. Думаю, нашим сыновьям будет о чем поговорить.

Одинокий домик из тростника и глины располагался почти у самых вод Нила. Сейчас, когда река вышла из берегов, можно было подумать, что дом этот стоит у берега бескрайнего океана. Но пройдет всего пара месяцев, и Нил снова покинет их порог, оставляя нивы под знойным солнцем.

Киранез не спешил входить в дом. Он наблюдал за тем, как уже услышавшая о возвращении любимого, по дому от печи к столу бегают Акцу-Назиэль. Во дворе, собирая корнеплоды и ровняя канавы, ходил уже почти юноша Амосис. Рамзес прав, сын был очень похож на него. Да и сложен он был так же...

Киранезу было лет четырнадцать, когда он одними лишь кинжалами сам убил голодного льва. Без каких либо чар. Хотя одной фразы хватило бы на то, чтобы зверь пал бездыханным. Это был тест силы, и он прошел его. Правда, и лев оставил на память

молодому ученику три алые полосы на спине. Раны заговорили быстро, а вот шрамы остались навечно.

Жрец мог смотреть на сына и любимую женщину бесконечно, но пока око Ра освещало землю, приближаться к ним он не имел права...

Боги были ревностны к своим слугам, но более ревностны жрецы-завистники, которые, узнав об увлечении Киранеза, тут же принесли бы в жертву сына, жену, да и самим братом фараона не побрезговали. Скорей всего, не только фараон знает тайну жреца, просто никто не осмеливается кинуть вызов любимчику богов.

Лучи палящего «ока» плясали над макушками пальм, когда воздух ожил. Горизонт засеребрился чешуйчатой кожей, сделанной из маленьких зеркал, и призрачная лента неспешно направилась к жрецу. Извиваясь серпантинном, призрак медленно опустился на плечи Киранеза. Кожа змея была более чем реальной, но отнюдь не холодной. Знающий тайное сквозь хламиду ощущал касание раскаленного металла, не оставляющего рубцов на теле.

— Жре-е-е-ец, — еле слышно позвал огненный змей, посланник храма богов.

— Я знаю, зачем ты пришел.

— Боги ждут тебя... — Змей продолжал скользить вокруг шеи жреца. Киранез уже привык к его касаниям, но при первой встрече он чуть не лишился сознания.

— Собери всех верховных жрецов к восходу трона Сина. Скажи, чтобы приготовили тройную кровную жертву и после захода трона Ра не открывали рта для еды или слова.

— Как скажешь, Киранез, верховный жрец золотого Нила.

— Ступай прочь.

Змееподобная лента на мгновение застыла, повернув голову в сторону хижины, где юноша поправлял изгородь, недовольно шикнула и осыпалась искрами.

Жрец тяжело вздохнул, привалившись к стене дряхлого домика. Как нестерпимо жарки объятия посланника. Он не палит тело, но прожигает душу. Киранез понимал, что войны не мино-

вать, раз боги готовы собраться на общий совет, и Египет уже больше никогда не будет таким, как сейчас, — тихим, сытым, лениво покоящимся на берегах божественного Нила.

Когда бледное сияние трона Сина проникло сквозь окно в хижину на берегу бескрайнего Нила, Киранез уже готов был уходить. Сегодня Син вышел на небосвод почти под утро, давая время жрецу насладиться любовью жены и общением с сыном. Киранез еще не знал, что задумали боги и удастся ли ему еще раз вернуться сюда. Если что, он отправит Амосиса и его мать далеко за пределы Египта, главное, чтобы Бог евреев не простер руки раньше, чем он успеет что-то предпринять.

Жрец еще раз наклонился над спящей женой, аккуратно поцеловал ее в лоб и прошептал слова защитной молитвы к вечнорастущей Хатхор. Ведь это Хатхор подарила ему эту прекрасную ветвь жасмина, наполнявшую жизнь жреца ароматом любви и давшую новый побег жизни.

Сына в хижине не оказалось. Скорей всего, стараясь не мешать родителям, он удалился спать в камышовый шалаш на берегу Нила. Если боги будут милостивы, Киранез поможет сыну добиться уважения и славы. А сейчас нужно спешить.

Серебряный диск трона бога мудрости оттолкнулся от острых колон восточного храма и неспешно восходил к зениту. Киранез прикрыл глаза и еле слышно произнес слова призыва старого друга. Незнакомый язык был похож на шуршание песка, вырвавшегося на свободу из стеклянной колбы, измеряющей время. Ветер нежно подобрал каждую песчинку слов и разнес ее по округе. Никто, кроме черного жеребца, этих слов не услышит, и никому они не будут столь приятны на слух, как ему. И никто, кроме господина, не услышит ответное ржание уже мчавшегося к нему рысака.

Конь был продолжением ночи, он тихо преодолевал улицы спящего Мемфиса; если бы кто и оказался рядом, то решил бы что это гигантская черная птица пролетает мимо его порога или песчаный ветер принес один из своих миражей.

Жрец до последнего стоял молчаливо и неподвижно, и лишь когда конь, не сбавляя хода, оказался от него в паре локтей, Киранез тенью вспорхнул в воздух, хватаясь рукой за удила, и резко опустил в седло.

Черногривый мираж, обгоняя ветер, помчался к хрустальному храму богов.

Они пришли одновременно.

Каждый трон стоял на отдельном возвышении, и у каждого престола на коленях стояли жрецы, служившие в том или ином храме. Киранез же заканчивал обряд жертвоприношений, и потому пришествие богов встретил стоя. В их приходе было все: пронизывающий холод небес, ароматы ветра, пение звезд и дыхание чужой жизни.

Боги взошли на постаменты, милостиво приветствуя верховного жреца, единственного, кому они доверяют и кого беспристрастно любят за служение всем им и каждому отдельно. Немигающими взглядами боги наблюдали за тем, как кровь животных стекает в прозрачный сосуд, наполняя умывальницу до краев, и когда последняя капля рябью прошла по бордовой глади, они опустили на свои лежаки.

— Время настало. — Златоголовое существо с телом человека и с головой сокола подняло скипетр, и ночь пронзил столб солнечного света, пожирая жертву, разложенную на резном алтаре. Аромат благовоний и крови тонким дымком потянулся к каждому из престолов.

Огонь горел, отражаясь в хрустальных колоннах, обращая храм в мерцающую звезду, на мгновение опустившуюся отдохнуть посреди песков.

— Позволь мне сказать, великий Амон Ра?! — существо с головой пса протянуло руку в сторону умывальницы, и жрец, стоявший у его престола, в мгновение ока наполнил сосуд жертвенной кровью.

Верховное божество кивнуло соколиной головой, и существо встало, опустошая залпом чашу.

— Я, Анубис, бог мертвых и верный хранитель дверей великого бога Амона. Ты знаешь, яркоокый, что моя армия всегда готова к войне. Ты знаешь, что я никогда не боялся врагов и никогда не отказывался от своих слов, но... — Существо помедлило, внимательно обводя взглядом каждого из собратьев. — Сможем ли мы победить, даже если приложим все наши силы? Не случится ли с нами того же, что и во времена 40-дневного дождя. Что даже имена наши будут забыты. Время восстановления храмов и...

— Довольно скулить! — Нагой бог, восседавший на троне рядом с нагой женщиной, схватил жертвенную чашу и тоже осушил ее. — Мы, Геб и Нут, боги земли и неба, видели и знаем людей. Мы слышали и обещания Того, Кто заставил Нут покрыть меня водой так, что и макушек гор не было видно. Он обещал, что подобное не повторится. Он заключил завет, потому мы можем не опасаться этой кары. Пока его народ среди нас, мы живем под охраной. Больше того, более четырехсот лет они зывали к Нему, но Он оглох. Он устал от них. С чего вы решили, что спятивший Моисей не придумал этой истории? Вы же помните, как он убил египтянина. Он подорвал доверие и среди своего народа...

— Что вы предлагаете? — уставшим голосом произнес Ра, принимая свою чашу из рук Киранеза.

— Не отпускать! — Нут, жена Геба, неохотно приняла вновь наполненную чашу из рук мужа и, отпив пару глотков, продолжила: — Иегова не станет применять силу, пока его народ живет среди нашего. Больше того, предлагаю бросить вызов. Я слышала, что Моисей показывал фокусы перед народом, давайте и мы наполним силой руки жрецов и поставим на место приемыша. Больше того, давно пора исправить ошибку Собека!

Женщина бросила взгляд в сторону существа с крокодильей головой, и обиженный бог готов был взорваться проклятиями, но яркий луч из скипетра Ра заставил успокоиться обоих.

— Ты прекрасно знаешь, что я не мог погубить его, — прошипела крокодилья голова.

— А я думала, ты бог Нила...

— Довольно, не то вы будете удалены с совета, — гневно прокрипела соколиная голова бога солнца. — Что скажешь ты, Сет, изгнанник пустыни, порождающий зло и коварство.

Существо с головой осла копьём выбило чашу из рук жреца и на лету поймало своей черной уродливой лапой.

— Порождающий зло... — усмехаясь, передразнил бог. — Покажите мне демона, который порождает добро.

На мгновение каждый зверечеловек обратился в омерзительное существо, похожее на ящерицу, но это мгновение ухватил только Киранез, другие жрецы пали в беспамятстве.

— Не при людях! — заорал самый большой демон, снова принимая вид красивого златокожего человека с головой сокола. — Я тебя спросил, что ты можешь предложить?

— Я предлагаю проверить Моисея, и если он и вправду слышал голос Иеговы, то нам лучше не вмешиваться.

— Он получит Египет?! Это наша земля! Здесь наши храмы! — с разных сторон доносились вой и гневные ругательства богов.

— А ему и не нужен Египет, повелители, — тихо подал голос Киранез, и боги замолчали.

— Откуда тебе это знать, сын фараона и жрицы? Или ты набрался такой силы, что готов взойти на один из престолов?! — Ра направил на жреца свой жезл, и человек упал плашмя перед силой бога.

— Оставь его! — прошипел Сет, обращаясь в гигантского змея с несколькими головами. — Тебе ли не знать силы и предназначения этого человека.

Бог солнца не убрал извергающий поток света жезл, но все же ослабил силу давления.

— Позволь ему говорить, не зря мы нарекли его именем Киранез — Знающий тайное. Человек, говорящий с богами и имеющий силу от нас, имеет право поднять свой голос от людей.

Ра обвел взглядом и без того обеспокоенных богов и опустил свой жезл на пол.

— Говори, Знающий тайное, но не забывай, что мы видим тебя насквозь.

Задыхаясь и кашляя, Киранез с трудом поднялся на колени.

— Да простят меня боги за то, что я подал голос. Я не хожу над землей и не омываю берега великой земли, не имею силы спускаться в подземелье или испепелять присутствием, но то, что я увидел в других народах, то, что прочел в книгах, то, что узнал о народе Иеговы, дало мне понимание, что не земля нужна Тому, Чей престол намного выше ваших...

— Жрец! — гневно прервал Киранеза Ра.

— Он прав, великий, и ты ничего не можешь ему возразить, — прошептал Сет, обвиняясь кольцом вокруг Киранеза. — Продолжай, человек.

— Иегова заберет Свой народ. Любой ценой. Мы можем бросить Ему вызов и погибнуть или дать им возможность уйти и сохранить наши дома и храмы.

— Бред! — возразил бог с головой барана. — Ему не преодолеть веру наших людей. Он не нарушает Своих же законов. Наш народ верит нам больше, чем рабы верят в Иегову. Сила на нашей стороне! Жертвы на нашей стороне. Пока наши престолы утверждены на крови, Ему ничего не удастся сделать, ничего!

— Тебе видней, великий Хнум, но я сказал то, что вижу со своего невысокого постаменты.

— Если больше никто ничего не хочет сказать, то пусть явятся весы, говорящие справедливость. Каждый ваш голос имеет равную цену, и нам решать, уйти до начала войны или оказать наконец-то сопротивление возгордившемуся Яхве!

Киранез тихо смотрел, как на одну чашу весов полетели опустошенные кубки, все ниже и ниже склоняя ее к хрустальному полу. Война была неизбежна.

Воды Нила исчисляли время и уносили дни далеко за горизонт. Как хотелось раствориться в этом потоке и просто плыть, не оказывая сопротивления, но обратного пути не существует, и жрец это понимал. Бледный диск трона ночного божества окупился в сероватые притоки божественной реки и постепенно стал пропадать из виду.

Киранез прошел к камышовому шалашу, разбитому у самой воды, и присел в зарослях. Рыбье жабы допевали последние куплеты своих ночных баллад, и в воздухе запахло рассветом. Жрец сейчас думал только об одном: как бы скорей и безопасней отправить из Египта жену и сына и, главное, куда? Друзей у Киранеза не было... за исключением вороного коня, но и он вряд ли чем может помочь в этой ситуации. Не было и родных, не было должников, вообще никого не было. Хотя небольшое племя, живущее в горах и оберегающее проход в Долину теней, всегда принимает путников. Это их миссия — помогать Идущим и Проходящим. Их ритуалы непонятны и загадочны, и тайн своих они никому не открывают, но ведь Киранезу нужен только приют и защита для близких. Но дойдут ли они до Одиноких гор? Смогут ли преодолеть дурман поющих раковин? Не заблудятся ли в миражах коварных песков? Нет, все будет отлично, друг поможет. Даже если жрец и забыл дорогу, то Черногривый нет.

Жабы притихли, оборвав песнь на середине раскатистых нот.

Еле слышно зашелестели камыши, и черная тень мелькнула в десятке метров от жреца. Киранез настороженно повел рукой по воздуху, словно пытался поймать ветер от движений гостя. Тень мелькнула снова. Более плавно и совсем беззвучно. Жрец вдохнул глубже влажный запах рассвета, в котором витало присутствие чужака, и удивление отразилось на его лице. Чтобы до конца убедиться в своей догадке, Киранез прикрыл глаза и посмотрел на мир сквозь закрытые веки.

Самец пантеры, натянутый словно вороная пружина, затаился в пяти метрах от жреца. Зверь не спускал глаз с человека и ждал, когда тот уйдет. Существо боялось верховного чародея, но не потому, что знало — одного жеста мага хватит для того, чтобы испепелить хищника на месте, а потому что боялось просто стать замеченным.

— Не бойся. Иди ко мне! — Киранез протянул руку в сторону кушей, где черным гранитом застыл хищник. — Ну же! Выходи!

Зверь думал. Запах страха огромного и опасного животного становился все отчетливей. Еще пару часов назад эта тень охо-

тилась и была королем пустыни, но сейчас Киранез чувствовал, что пантера может уйти.

По воздуху прошла рябь, и кусты размело в разные стороны. Зверь остался стоять на открытой площадке один на один со жрецом. Делать было нечего, и хищник осторожно, прижимая уши и поджимая хвост, подошел к Киранезу.

— Хорошо, очень хорошо, — подбадривал жрец каждый шаг. — Не нужно бояться. Все хорошо. Правда. Все просто отлично.

Хищник подошел вплотную, склонил голову и лизнул открытую ладонь Киранеза.

Жрец улыбнулся, предвкушая сегодняшний день.

— Так что говорят боги? — Фараон вкушал сладости, не придавая особенного значения своему вопросу. Это было больше для поддержания беседы или скорее попыткой подшутить над чересчур мнительным братцем.

— Боги решили ждать. — Киранез осмотрел тронную залу, которую наполняли слуги и гости богоподобного.

— Как? И не передали благодарности за мою идею с кирпичами? — Фараон благосклонно кивнул кому-то в зале и взял с блюда кисть винограда

— Брат. Мой тебе совет, уезжай из Египта. Забери жен, сына и уезжай, — глухим шепотом произнес Киранез почти в самое ухо Рамзеса.

Взгляд фараона на время потерял осмысленность. В глазах прочитался страх и неуверенность, никогда Киранез не был обеспокоен так, как сейчас... может, и правда...

— Нет! — грозно рявкнул вмиг изменившийся владыка. — Я сын бога Ра, богоподобный Рамзес, не покину великого города фараонов только из-за того, что мой братец испугался восстания рабов. Или... — Взгляд фараона стал холодным, как камни белых северных гор. — Это ты притащил сюда Моисея и хочешь завладеть моим тронном? Не выйдет! — Сок винограда, сжатого в кулаке, брызнул кровью в разные стороны.

На последнюю фразу оглянулись некоторые из близстоящих гостей, но богоподобный тут же улыбнулся, показывая, что ничего серьезного он не имел в виду. И все с той же улыбкой, стирая с себя алые капли, прошептал:

— Киранез, не стоит испытывать моего терпения. Я владыка и повелитель Нила и омываемых им земель. И я — богоподобный Рамзес, буду решать, что делать.

— Твоя воля, фараон. — Киранез поклонился и отошел от трона на пару шагов.

— Обиделся? — Фараон взял новую кисть иноземного лакомства. — Зря. Не стоят эти рабы нашей дружбы. Пойдем лучше посмотрим на состязания.

Киранез снова кивнул и незаметно улыбнулся.

Возле огромного рва, вырытого прямо среди дворцовых построек, толпились люди. Фараон и его сын восседали на отдельном балконе, с которого был самый лучший вид на круглую площадку на дне котлована. Глубина подземной арены была чуть больше шести метров. Конечно, при желании сильный раб мог закинуть смертельно опасный снаряд и на такую высоту, но ров был сделан больше для безопасности от хищных животных. К тому же рабы не были настолько глупы, ведь в случае победы их оставляли во дворце до следующего боя.

Киранезу было позволено наблюдать бои на одном балконе с братом и племянником. Рамзес выглядел серым и подавленным, он словно не видел происходящего на боевой площадке. Слова жреца грызли сердце.

Зато сын фараона искренно радовался каждому удару смелых воинов. Сначала был поединок между египтянами, но боем это называлось с большой натяжкой, скорее театральная постановка с красивыми ударами без пролития крови. Но все же приятно отзывались в сердце блики пролетающих мечей, пение боевых луков, узорчатые следы в воздухе от зажженных копий.

Будущий фараон с замиранием сердца следил, когда на арену выпустили рабов против одного египтянина. Да, молодой вла-

дыка мечтал научиться таким приемам. Он и сейчас берет уроки войны, но все же в одиночку красиво убить пятерых ничтожных — это заслуживало стать примером для подражания.

Самым ярким и зрелищным считался бой рабов и хищных зверей.

Прижимаясь к друг другу, осторожно ступая, на арену вышли шесть рабов. Каждому дали по небольшому кинжалу и круглому деревянному щиту, уже измазанному кровью. Похоже, прежним хозяевам они уже не нужны.

— Этот бой я дарю тебе, мой фараон! Сегодня с рабами будет сражаться мой зверь, — громогласно возгласил Киранез. И на арену неспешно вышел хищник, прирученный утром.

Пантера внимательно смотрела на трон, на котором восседал богоподобный. Трибуны замерли, и гости фараона подоновились ближе к золоченым перилам, оберегающим от падения в ров. Хищник, казалось, не обращал внимания ни на соперников, ни на зрителей. Только он и Рамзес, удивленно рассматривающий необыкновенного зверя, в полтора раза больше нормального, с огромными голубыми — человечьими глазами.

Фараон еще раз посмотрел на жреца, потом довольно кивнул, и прозвучал гонг.

Раскаты медного звона словно обрезали невидимые нити, удерживавшие рабов, которые с яростным криком кинулись на зверя, все еще мирно разглядывавшего сына Ра. Но победный клич очень быстро обернулся воплем боли и страха. Подобно призрачной тени, хищник уворачивался от ударов, лезвие кинжалов пело в воздухе, не достигая цели. Зверь играл и лишь легко проводил когтями по спинам рабов, оставляя красные раны-порезы. Нет, рабы не были для него соперниками, в любой момент он готов был убить каждого, кто всерьез угрожал ему. Они не виноваты, что именно им выпала эта участь. Или они — или он. Зверь не собирался сегодня умирать.

— Что ты сделал с этой кошкой? — с азартом наблюдая за происходящим, спросил фараон.

— Просто нашел.

— Где? В храме богов? Это один из сыновей богини Баст, не иначе.

— Может и так, повелитель. — Киранез лукаво улыбался, наблюдая за тем, как заворуженно смотрит за схваткой сын Рамзеса.

Зверь обратил своих врагов в окровавленные живые куклы, которые все еще держались на ногах, но начинали терять силы. Зато хищник не имел ни единого пореза, и даже ни одного легкого касания кинжала не ощутила его черная шелковистая шкура.

— Это не зверь... Это демон... — не отводя глаз с пантеры шептал Рамзес. — Дайте им нормальное оружие!

В ров полетели два копья, меч, топор и шипастые цепи.

Бой стал более бестолковым. Несчастные рабы, обезумевшие, одурманенные врагом, с трудом справлялись с кинжалами, не говоря уже о более грозном оружии. Наверное, мучение их длилось бы очень долго, если бы легкий кивок жреца, который заметил только зверь, не поставил точку в этом бессмысленном турнире. Зверь одним ударом пробил грудную клетку одного, нащупав когтями биение сердца, другому он прокусил голову, еще двоим перегрыз глотку, еще одного исполосовал вдоль, последнему просто вскрыл живот.

— Златошлемы! — Рамзес махнул рукой, и на арену выбежали три меченосца. Настоящие воины, цена которым в золоте составляла их личный вес. Те, кто пролил на этой арене столько крови, что Нил готов был поспорить, что его притоки бывают и меньше. Солдаты-убийцы, знающие все виды оружия...

Но это не помогло. Зверь не церемонясь и уже не играя, словно столбы, сбивал златошлемов с ног и уже на земле отрывал головы вместе с золотыми защитными ободьями.

Кое-кого стошнило. Кто-то просто брезгливо отвернулся, многие же не спускали молчаливого взгляда с богоподобного и молодого наследника, который, побелев, вжался в свой трон, опасаясь, как бы животное не кинулось теперь на него.

— Я не понимаю. Жрец! Что за существо ты привел сюда? — Фараон был испуган не меньше. Больше того, его рука была поднята для сигнала лучникам, стоявших по периметру арены.

— Это твой верный подданный, мой господин, — елеиным голосом отвечал Киранез, снимая с себя легкую льняную накидку. Гости ждали развязки. Но и боялись ее.

Накидка полетела в ров, раскрываясь в воздухе подобно синему парусу, обшитому золотом. Зверь еще раз посмотрел на фараона и сжался в комок, в серую, кроваво-черную массу, из которой вдруг появились человеческие руки. Халат плавно окутал тело молодого парня, совсем еще мальчишки, но уже с округлыми мускулистыми плечами и обветренным загорелым лицом.

— Это он?... — Фараон с ужасом посмотрел на своего брата.

— Да, повелитель Египта, это мой... ученик Амосис.

Фараон смотрел в похожие лица отца и сына и видел, что боги сотворили не просто физическую копию самого верного жреца, но копию, обладающую магической силой, не меньшей, чем у самого Киранеза. Двух сильных кудесников, претендующих на трон, ему не одолеть силой. Тут нужна...

— Богоподобный сын Ра! — В палату вошел один из первых слуг фараона. — Моисей с братом стоят у ворот и хотят говорить с тобой.

Ловушка. Рамзес понимал, что все это неспроста.

— Они еще живы? — Фараон гневно посмотрел на жреца, словно это его вина, и, не сводя глаз со смущенного юноши, стоявшего за спиной брата, ответил слуге: — Призови ко мне срочно Иамврия и Ианния. А этого предателя... — фараон двусмысленно помолчал, — ...Моисея, проводи в главную палату. Сегодня я поставлю все на свои места. Ну а потом мы поговорим с тобой, Амосис, ученик Киранеза.

Рамзес махнул рукой, и гостей вынесло из зрелищного зала в главный чертог фараона.

Огненное облако развеялось, и на троне, в полном облачении, появился Рамзес Второй, сын Амона Ра, единоличный правитель Египта и вод Нила. Эффектное появление поразило всех гостей. Лишь только Киранез с сыном да Моисей с Аароном не выражали восторга.

— Что тебе опять нужно, безумец? — Голос фараона эхом десятков голосов разошелся по чертогу, нагнетая тишину и вызывая трепетный страх среди подданных.

— Бог повелевает тебе, фараон, чтобы ты отпустил народ Его...

— Я уже это слышал или раб Аарон других слов не знает?! Моисей, что ж ты не научил брата нашему языку?

Тихий смешок шорохом прошел по толпе, окружившей пророков.

Моисей молчал. На мгновение их взгляды встретились, и фараон, окруженный самыми сильными воинами, самыми искусными чародеями, под покровом самого бога Ра почувствовал страх... Горло сдавил колючий спазм, и сердце на мгновение перестало биться. Рамзес потянулся к кубку, но тело словно окаменело. Кричать! Ну же! Сил не было. Фараон ощутил себя беспомощной мумией, которая все понимает, но ничего не в силах сделать. Неужели так приходит смерть? Смерть от одного взгляда?

В веки, казалось, насыпали песка, но, приложив все силы, Рамзес смог закрыть глаза, и наваждение прошло.

— Значит так? — прошипел богоподобный. — Хочешь взять меня колдовством? Этими трюками будешь развлекать свой народ, со мной это не получится.

Пророки молча смотрели на фараона, и в их глазах не было страха. Уже не было!

— Не отпирайся, Моисей! Я знаю, что ты обольщал народ своими фокусами. Что ж ты не сотворишь чудо и тут, прямо на этом месте? Или твой Бог боится войти в мои покои? А может, твои подручные средства шарлатана не разрешили сюда пронести?

В ответ Моисей лишь кивнул головой Аарону, и брат, поняв все без слов, сделал пару шагов навстречу престолу.

Охрана напряглась, и Киранез услышал, как где-то в тайных укрытиях натянулась тетива. Но седобородый раб не обращал на это внимания, он взял в обе руки свой посох, поднял его к небу и с силой бросил жезл к ногам фараона...

Крик страха и удивления волной прошелся по всем присутствующим. На полу возле трона Рамзеса, неспешно извиваясь,

ползла огромная змея. Она плавно поворачивала голову, осматривая слуг и самого фараона. Сын Рамзеса вскрикнул и прижался к одному из охранников.

Смех, ехидный и презрительный, нарушил тишину.

— И ты это называешь чудом? — Кудесник Ианний шел, раскручивая в руках исписанный яркими красками черно-желтый жезл.

— Этому фокусу, Моисей, тебя научили здесь, при дворе. И только глупый поверит в истинность такого чуда, — подпевал Иамврий. — Вот настоящее чудо!

Кудесники фараона вращали жезлами с такой скоростью, да при этом перекидывая их между собой, что в какой-то момент очертания посохов исчезли, появились дрожащие дымящиеся диски, из которых одна за другой стали вылетать прозрачные змеи разных размеров, разной окраски и разной формы. Завороженные зрители, не моргая, смотрели на кудесников, а те бросили на землю свои посохи, которые обернулись дикими гадюками, хищными и агрессивными. Рептилии целеустремленно направились к пророкам, словно знали, кто их враги.

— Киранез, — тихо позвал Амосис. — Почему ты улыбаешься?

— Шарлатаны...

— Кто? Рабы? — еще тише спросил сын жреца.

— Нет, Иамврий и Ианний. Есть зелье, которое вливают в пасть гадюке, и та засыпает, а мышцы ее каменеют. Таким образом, их посохи не что иное, как сонные змеи. Когда их вращаешь, они просыпаются — голодные и злые.

— А рабы... они тоже знают этот трюк?

— Не знаю. Наверное, это особое зелье. Моисея не было в Египте больше сорока лет, может, он и повысил силу своего колдовства, а может...

— Что может? — Юноша следил за тем, как дорогу гадюкам перекрыл «посох Аарона».

— Может, это и не колдовство...

Гадюки попытались ужалить огромного змея, хотели обойти его, но рептилия встала на защиту хозяев. Тихий свист, какой

слышали только змеи, говорил им, куда надо ползти, и что надо делать. Но они не могли преодолеть грозное препятствие, отчего еще больше злились и свирепели. Поняв, что до пророков им не добраться, полосатые ленты одновременно замерли и сжалась пружинной...

Прыжок!

Змея, в которую превратился посох пророка, на лету ухватила обеих гадюк за хвосты. Те что есть силы принялись кусать своего врага. Но зубы не могли впиться в плоть, словно змея пророка была сделана из дерева. Гадюки сопротивлялись недолго, несколькими кивками змея утихомирила ядовитых сородичей и тремя укусами проглотила их целиком.

Страх наполнил чертог фараона. Кудесники неспешно спрятались в толпу. Даже стражники сделали пару шагов назад от того места, где немигающим взглядом осматривала окружающих сытая змея.

— Вон! Убирайтесь прочь! — приказал фараон. — Уходите, вы меня слышите! Я не хочу вас больше видеть!

Моисей с разочарованием закрыл глаза и положил руку на плечо брата. Сердце фараона было ожесточено. Ему было мало проявления силы Бога, он не понял, что Бог способен с легкостью поразить всех божков Египта. Он хочет крови... и она будет. К сожалению, будет.

Аарон протянул руку к змее и та послушно выпрямилась, обращаясь в посох.

— Все прочь! Убирайтесь все! Никого не хочу видеть! — кричал владыка Египта.

Но никого упрасивать не надо было. Чертог опустел раньше, чем эхо перестало отзываться в полых колоннах тронной залы.